

Православное братство

Елена Недялкова

ДВА ЗНАМЕНИ МАЛЕНЬКОЙ ЕЛЕНЫ

«...Кой уши байрака?
Кой му тури знака?
Смърт или свобода?»
(из болгарской народной песни «Райна Попгеоргиева»)

«С думой о братьях славянах,
Ночью и днём в рукоделье,
Знамя стране на Балканах
Шили монашенки в келье».
(Добри Чинтулов из стихотворения «Восстань, восстань, юнак балканский!»)

...На каком языке она разговаривает, Елена долго не понимала. Совсем свободно девочка переходила с языка Вазова на язык Пушкина, в зависимости от того, с кем общалась. Она одинаково любила вечернюю «Аз съм сънчо...» и с таким же удовольствием напевала: «Спят усталые игрушки...» Сидя в компании папиных друзей, вместе со взрослыми смешно кричала: «Само Левски, оле!», и уже тогда знала историю легендарного апостола свободы Болгарии — Василия Левски, в честь которого назван любимый футбольный клуб её отца. Песни Слави Трифонова

и «Ку-ку бэнд» звучали в доме наравне с группами «Воскресенье» и «Машина времени».

По насыщенности событий, счастливых и трагических, детство Елены могло бы сравниться с жизнью взрослого человека. Но самые яркие воспоминания детства хранят две фотографии.

Одна фотография сделана в Болгарии. Печальная малышка на фоне огромной картины. На картине — портрет молодой женщины в полный рост, в руках — оружие: сабля и пистолет. На заднем плане — знамя. «Свобода или смърт» — вышито на том знамени. Слова эти девочка запомнила на всю жизнь, как и историю про Райну Княгиню, именем которой был назван детский сад, в котором Лена провела беззаботное детство.

По странному совпадению, фотография с ликом Райны Княгини связана у Елены с потерей и печалью. Именно в тот период девочка потеряла отца, скоростижно

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО

умершего в самом расцвете сил. Молодой, чернобровый, кареглазый, с копной тёмных волнистых волос, белозубой улыбкой и светлой кожей. Он был потомком балканских болгар, свято хранящих традиции семьи и христианства. В тот момент горькое чувство боли от потери отца у девушки было родни чувствам тысяч болгар, живших более века назад, во времена первых восстаний, предшествовавших русско-турецкой войне. Болгар, переживших зверские пытки и убийства от рук османских поработителей и башибузуков...

...Апрельское восстание Болгарии в 1876 году было жестоко подавлено турецкими властями и сопровождалось большим количеством жертв среди мирного населения. Историю не обманешь, именно это восстание послужило одним из поводов к кровопролитной русско-турецкой войне позапрошлого века. Были у восстания свои герои, без чьей смелости, гордости, чести, боли за свою страну оно было бы невозможным.

Молодая образованная учительница Райна Попгеоргиева по просьбе оргкомитета восстания вышла для восставших знамя. «Свобода или смерть» — было вышито на знамени том. А гордый балканский лев ступал на падший полумесяц.

В день восстания Райна не только передала знамя повстанцам, но и сама, наравне с мужчинами, вер-

хом на коне и с оружием была в первых рядах восставших. Несмотря на неудавшуюся попытку свергнуть османский режим, вечной памяти и благодарности от потомков за великое мужество должны быть удостоены все герои восстания, и, конечно, отдельного рассказа заслуживает подвиг болгарской девушки...

«Болгарская царица!» — с издевкой произносили турки. «Райна Княгиня!» — с гордостью произносили болгары. Сохранились письма специального корреспондента Daily News господина Макгахана. Они были переведены на болгарский ещё в далёком 1880 году, и вот что он писал о судьбе Райны сразу после восстания:

«Увы! Её судьба была такой же, как и судьба сотен других женщин. Я не посмел расспрашивать её о злосчастной истории, всё было ясно написано на её бледном, посеревшем лице, хотя ещё молодом и симпатичном. Но в Панагюрище мы встретили одну женщину, на глазах у которой эту образованную, развитую, впечатлительную девицу поймали и обесчестили трое или четверо башибузуков. Эти грубые злодеи и сейчас безнаказанно оскверняют землю своим низким существованием!..

...И это ещё не всё. Отец её был убит в собственном доме, и Райна с матерью выкопали могилу прямо в своём саду и там похоронили его. Но, похоже, чаша её бедствий ещё

не была наполнена. Спустя две недели после подавления, когда узнали, что она сшила знамя для восстания, её арестовали. Мюдюрин* поймал её и к десяти вечера доставил к себе домой вместе с женщиной, в доме у которой шилось знамя. Бедная Райна сама рассказала нам, как с ней поступили в доме мюдюрина. Несмотря на её мольбы и слёзы, которые могли умиловать даже тигра, её раздели догола, били, плевали на неё и обесчестили. Здесь же, при издевательствах, её и прозвали болгарской царицей. На следующий день отправили её в Татар-Пазарджик, где турецкое население кидало в неё комки грязи, плевалось и унижало её. В сердцах у этих варваров не было сострадания, не было стыда от того, что беспомощная девушка была одна перед разъярённой толпой.

Потом бесчувственную, её кинули в телегу и доставили в Пловдив, где швырнули в темницу и посадили на хлеб и воду.

...Освободили её с разбитым от скорби сердцем и совершенно подорванным здоровьем».

...Следующая фотография маленькой Лены, хранящаяся в альбоме, сделана уже в России.

Лене и её маме, русой, голубоглазой молодой славянке, выросшей

на великой Волге, одним было не справиться с тяготами жизни в сотрясающейся от социальных перемен Болгарии. Они уехали в родную для мамы Самару. Там Лена была записана в школу. Нарядная, с красивыми белыми бантами, вплетёнными в длинные пышные косы, девочка пошла учиться. Волнению не было предела. Одноклассники отлично знали друг друга ещё с детского сада. Лена не знала никого и сильно нервничала. Да ещё ребята рассмеялись над её обращением к учительнице: «Госпожо», — по привычке, на болгарский манер, обратилась Лена. «Леночка, у нас принято называть взрослых по имени и отчеству», — поправила её учительница, а все ученики рассмеялись. Лена была очень смущена и ещё несколько месяцев, прежде чем что-то сказать, проговаривала фразы про себя, чтобы случайно не вырвалось болгарское слово.

По традиции школы, сразу после линейки первого сентября первоклашек повезли в Музей имени Петра Алабина. Исторический парадокс: в Болгарии это имя сейчас знают даже лучше, чем в России.

В музее первоклашек фотографировали: немного растерянная девочка на фоне знамени. Да, опять знамени. Широкое квадратное шёл-

* Мюдюрин (тур.) — турецкий управляющий в период османского ига на Балканах, под управлением которого находилось несколько небольших поселений.

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО

ковое полотнище из трёх горизонтальных полос: белой, пунцовой и синей. Посередине знамени — православный крест с образом Иверской Божией Матери и надпись: «Болгарскому народу, город Самара. 1876 год».

...«Поистине торжественная была минута, — писал очевидец передачи Самарского знамени 6 мая 1887 года, — когда впервые это знамя развилось и заволновалось в воздухе. Казалось, воскресла из вековой могилы несчастная Болгария!»

Долгим оказался путь знамени на Балканы, но оно всё-таки заняло достойное место в строю дружины болгарского ополчения. Все люди, имеющие хоть какое-то отношение к истории его создания, всем сердцем желали победы над Османской империей братьям-славянам.

Сочувствие самарцев к балканским братьям было настолько сильным, что в ответ на призыв о помощи люди не только собрали внушительные суммы денег, но и целая дружина самарского ополчения собралась воевать в Болгарии. Вот что писали «Губернские ведомости» того времени:

«Одна мать просила отправить своего старшего сына в Болгарию. Когда он уезжал, она заливалась слезами, а на следующий день привела последнего сына с такой же просьбой. Когда ей напомнили об её переживаниях по поводу разлуки, она ответила: «То плакало сердце ма-

тери, но они христиане и должны положить живот за Христа. Я бедна и только детьми могу пожертвовать». Дети её были проникнуты тем же чувством. Многие на коленях просят выделить средства, чтобы отправиться на турка».

«Знамя послано от всей русской земли!» — произнёс торжественно Алабин. Генерал Столетов преклонил колени. Знамя стало в строй под предводительством подполковника Калитина. А уже через несколько дней обеспокоенный поражениями турецких войск под Стара Загорой Сулейман приказал во что бы то ни стало захватить Самарское знамя.

Имена знаменосцев легендарного знамени известны разве что в кругу историков. Но, собравши воедино хронику спасения знамени в одном из сражений, у людей, способных сопереживать, наворачиваются слёзы.

Когда был убит первый знаменосец Антон Марчин, знамя подхватил ополченец Булаич, но вскоре и он был убит. Знамя едва не захватили турки, но ценой своей жизни его спас унтер-офицер Цимбалюк. Умирая от ран, он встал во весь рост и высоко поднял знамя. Погибли, защищая знамя, болгарский студент Стоян Санищев и ополченец Минков. В этот критический момент знамя подхватил подполковник Калитин, но сражённый двумя выстрелами, он упал с лошади. Древко знамени

Елена Неद्याлкова Два знамени маленькой Елены

сломалось, а серебряное копье, уже задетое турецкой пулей, погнулось. Над упавшим знаменем закипела рукопашная схватка. В бой бросился командир знамённой роты капитан Попов с группой ополченцев. Прикладами и штыками они отстояли Самарское знамя. Из письма третьей дружины болгарского ополчения в газету «Московские ведомости»: «...Предпоследним из них был сам подполковник Калитин. Он взял изломанное знамя, но тотчас пал мёртвым, сражённый неприятельской пулей в голову. Знамя было вынесено из боя унтер-офицером Фомой Тимофеевым».

...Всего две фотографии... И одна Елена — потомок людей, воевавших под двумя знаменами. Больше

века исторических метаний стяги пережили. Они — очевидцы былого: мужества, силы, отваги, веры, духовности, братства. Преклонение перед этими знаменами по жизни пронесёт и обязательно передаст своим детям маленькая Лена. И дай-то Бог, чтобы и у их детей подкапывался комок к горлу при рассказе об истории двух знамен:

«От сердца к сердцу вьётся нить —
Она прочнеет лишь с годами,
Её ни сжечь, ни разрубить,
Ни взвесить точными весами...»

Мы бережно её храним,
Порой слегка приукрашаем
Воображением своим...
Но держим и не отпускаем!..»